

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**VI
ТОМ**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

**РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпеисов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусаинов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**VI
ТОМ**

**ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ И СЛУЖЕБНЫЕ
ЗАПИСКИ О ПОЕЗДКАХ
ПО ЮЖНЫМ СТЕПЯМ.
XVIII–XIX века**

Алматы
“Дайк-Пресс” 2007

ББК 63.3 (5Каз)
П 90

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составители И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев

*Транскрипция скорописи XVIII в. и предисловие
И. В. Ерофеевой*

Комментарии Б. Т. Жанаева

Научный редактор С. А. Жакишева

П 0503020905
00(05)-07

ISBN 9965-798-44-3

© Ерофеева И. В., Жанаев Б. Т., сост., 2007
© Издательство «Дайк-Пресс», оформление, 2007

Документальные материалы российских путешественников и исследователей XVIII — середины XIX в. о Жетысу и Южном Казахстане

Начиная с эпохи позднего средневековья до середины XIX в., Южный Казахстан и ханства Средней Азии находились в состоянии почти полной политической и культурной изоляции от северо-западных стран Евразии. После эпохи великих географических открытий сухопутные торговые пути, служившие прежде основными каналами междивилизационных взаимосвязей между Западом и Востоком, утратили свое глобальное транснациональное значение и были сведены до уровня эпизодических торговых и дипломатических контактов отдельных среднеазиатских стран с Российской империей. До конца 60-х гг. XIX в. политическое влияние России в Казахской степи ограничивалось лишь ареалами расселения казахов Младшего и Среднего жузов, тогда как обширные территории казахских кочевий к югу и юго-востоку от Арала и Балхаша фактически являлись *terra incognita* для русской и европейской науки.

Со второго десятилетия XIX в. южные регионы Степи попали в сферу влияния Кокандского и Хивинского ханств, а также отчасти Цинского Китая, чиновники которых уделяли определенное внимание сбору разнообразной информации о географии и населении присоединенных земель, но накопленные ими знания носили большей частью фрагментарный, локальный и поверхностный характер.

Ввиду крайней скудности имеющихся в восточных источниках того периода достоверных географических и историко-этнографических знаний о Юго-Восточном и Южном Казахстане важное значение для современной науки представляют материалы путешествий российских чиновников и купцов из приграничных городов России в Казахскую степь и Среднюю Азию с дипломатическими и торговыми поручениями. Косвенным образом они способствовали накоплению разнообразных исторических знаний о кочевом населении южноказахстанского региона. Наиболее солидные историко-этнографические материалы о казахском народе и Казахстане доставили в Россию в период XVIII — середины XIX в. ташкентский торговец Нурмухаммед Алимов (1735 г.), осуществлявший транзитную торговлю через казахские степи между Ташкентским владением и поволжскими городами в 1734 — 1736 гг., посольства Карла Миллера и Алексея

Кушелева с торговым караваном в Ташкент (1738 г.), Дмитрия Гладышева и Ивана Муравина в Хиву (1740–1741), Карла Миллера в Джунгарию (1742–1743); предводитель купеческого каравана Шубай Арсланов, совершивший торговую поездку в Ташкент в 1742 г.; дипломатические миссии Дмитрия Телятникова и Алексея Безносилова (1796–1797), Михаила Поспелова и Тимофея Бурнашева (1800), Филиппа Назарова (1815) и Николая Потанина (1829–1830) в Ташкент; А. Субханкулова (1818) — в Хивинское ханство и Н. Н. Муравьева — в Туркмению и Хиву (1819–1820), Ф. К. Зибберштейна в Северную Киргизию и Старший жуз (1825), Искандера Батыршина в Северо-Восточное Приаралье на границу Младшего жуза с Хивой (1852) и некоторые другие путешественники. Дневные записки путешествий некоторых из них, главным образом исследователей XIX в., в разное время были опубликованы в различных общественно-политических и научных журналах либо же выходили в свет отдельными изданиями и в результате этого уже давно привлекли к себе внимание гуманитарно образованной общественности нашей страны и других стран бывшего Советского Союза. Но значительная часть полевых материалов российских путешественников-первопроходцев XVIII — начала XIX в. из-за их труднодоступности для современных казахстанских исследователей пока еще не только никогда не издавались в СНГ, но и до сих пор остаются почти или совсем неизвестными даже профессиональным ученым, специализирующимся на изучении истории и исторической географии дореволюционного Казахстана.

Особую познавательную ценность в этой группе рукописных исторических документов представляют путевые журналы поручика, а с 1742 г. — майора Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера о его поездке с торговым караваном в 1738 г. из Орской крепости в Ташкент и дипломатической миссии 1742–1743 гг. оттуда же в Джунгарское ханство к его правителю Галдан-Цэрену, которые бесосновательно считались в XIX–XX вв. бесследно утраченными для науки.

В середине 30-х гг. XVIII в. Карл Миллер неоднократно выезжал по заданиям начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова и Коллегии иностранных дел в приграничные кочевья Младшего и Среднего жузов, где знакомился с политической обстановкой непосредственно на местах, собирал разнообразные сведения о кочевом быте, обычаях и традициях казахского народа, изучал в степных аулах

разговорный казахский язык. Проявленные им во время этих служебных поездок незаурядные деловые и интеллектуальные способности, и в том числе хорошее знание тюркских языков, создали Миллеру в Экспедиции репутацию ответственного, исполнительного и деятельного чиновника, что впоследствии дало основание ближайшим преемникам И. К. Кирилова — В. Н. Татищеву (1737—1739), В. А. Урусову (1739—1742) и И. И. Неплюеву (1742—1755) — доверять молодому немцу выполнение наиболее сложных и деликатных поручений царского правительства и рассматривать его как одного из своих самых талантливых и перспективных помощников.

В 1736 г. И. К. Кирилов незадолго до своей кончины направил в Кабинет министров в Петербург новый обширный план в отношении Казахстана и Средней Азии. Оценивая в свете вновь полученных фактических данных возможные перспективы установления прямых торговых отношений Оренбурга с городами Туркестаном и Ташкентом, купцы которых раньше «никогда в России не торговали», он предложил проложить «через Ташкент в Индию и в Мунгалы, и в Хину путь» и выяснить по поводу него — «не будет ли ближе бухарской дороги?». Далее основатель Оренбурга писал, что намерен для выполнения этого плана отправить летом торговые караваны в Ташкент, Хиву и Бухару [1]. Скоропостижная смерть Кирилова не позволила ему практически воплотить свой замысел. Однако составленные при его жизни проекты и инструкции два года спустя попытался реализовать преемник первого начальника Оренбургской экспедиции, будущий известный географ, историк и этнограф В. Н. Татищев (1686—1750). Сразу после своего вступления в должность он распорядился летом 1738 г. об отправлении из Орска первого русского торгового каравана в Ташкент. Руководителем торгово-политической миссии В. Н. Татищев назначил поручика К. Миллера, а для описания путевого маршрута с ним был отправлен подпоручик Алексей Кушелев.

До путешествия Миллера в Ташкент царское правительство в 1731 г. уже предпринимало попытку установить прямые торговые связи России со странами Центральной Азии через Казахскую степь. Однако в первый раз пунктами назначения русского каравана были не торгово-ремесленные центры Ташкентского района, а соседние Хива и Бухара. Тогда с торговым караваном был отправлен полковник русской артиллерии, уроженец Бранденбурга, Иоганн Густав Гербер, выполнявший незадолго перед тем важное дипломатическое поручение Петра I на Кавказе и в Персии (в 1722—1729 гг.). Под видом купца

он должен было определить возможности торговли со среднеазиатскими странами, а в случае необходимости принять ранг посла. Миссия закончилась полным провалом. Купеческий караван, в котором находился И. Г. Гербер, не пройдя и половины пути, был разграблен в зауральских степях казаками рода шекты Младшего жуза во главе с султаном Батыром (ум. в 1791 г.). Чудом спасшийся путешественник возвратился в Петербург, чтобы сделать необходимые приготовления к походу в Турцию. Занимаясь ими, И. Г. Гербер умер в 1734 г. в Павловске Воронежской губернии.

Постоянно имея в виду неудачный опыт отправления И. Г. Гербера в Среднюю Азию, царские сановники в Петербурге, тем не менее, возлагали большие надежды на новое посольство, рассматривая его как первый решительный шаг в деле установления непосредственных торговых связей России с Ташкентом и Бухарой. В соответствии с этим замыслом специальная инструкция Коллегии иностранных дел, направленная в Оренбургскую экспедицию из столицы страны, вменяла Миллеру в обязанность «вытребовать беспошлинную торговлю для русских купцов и постараться съездить в бухарские города», изучить ассортимент русских товаров, пользующихся спросом у азиатских торговцев, и «составить список товаров, какие нам нужные у них есть», получить точные сведения о русских пленных и потребовать от ташкентского хана их освобождения. Отдельные положения инструкции предусматривали сбор информации о месторождениях благородных металлов в окрестностях Ташкента и подготовку топографического описания пройденного пути [2].

Получив все необходимые указания, К. Миллер вышел с торговым караваном в августе 1738 г. из Орской крепости и направился в юго-восточном направлении в город Ташкент. От Орска до Ташкента он прошел вместе со своими спутниками огромный путь расстоянием 1546 верст и, проложив за три месяца новый караванный маршрут через территорию Центрального и Юго-Восточного Казахстана, стал первым путешественником в Европе, которому удалось проникнуть в Среднюю Азию из России через Голодную степь Бетпак-Дала [3].

Однако вблизи Ташкента российских путешественников постигла крупная неудача. 2 ноября 1738 г. недалеко от г. Туркестана, возле урочища Балакампир, торговый караван был почти полностью разграблен группой казахов шымырского рода Старшего жуза. Все члены посольства, кроме Миллера, попали в плен. Сам же руководитель миссии, благодаря покровительству одного из доброжелательно

настроенных к России старшин южных казахов Кунай-мурзы смог относительно благополучно добраться до Ташкента. В течение нескольких недель он жил в этом среднеазиатском городе, общаясь с местным населением, и установил здесь личные контакты с ханом Старшего жуза Жолбарысом (ок. 1720—1739 гг.), управлявшим тогда Ташкентом и смежными оседло-земледельческими оазисами, а также с влиятельными казахскими старшинами Среднего жуза — Жаныбеком (ум. в 1751 г.) и Ниязом батырами и с джунгарским наместником в Южном Казахстане нойоном Кашкой.

В конце марта 1739 г. Карл Миллер собрал в Ташкенте при содействии батыра Жаныбека и хана Жолбарыса всех членов своего посольства и, не теряя времени, отправился вместе с ними в обратный путь. Путешествие из Ферганы в Россию заняло около двух месяцев, по истечении которых русский караван без особых приключений прибыл в июне 1739 года в г. Орск. В качестве основных отчетных документов об этой поездке Карл Миллер и его товарищ Алексей Кушелев представили в Коллегию иностранных дел путевой журнал движения каравана и маршрутную карту обследованных участков казахских степей. Подготовленные ими географические и этнографические материалы со временем отложились в Российском государственном архиве древних актов в Москве, но по неизвестным причинам прежде не были обнаружены историками. Отдельные фактические сведения о Южном Казахстане и примыкающих к нему районах Ферганы, изложенные К. Миллером в путевом журнале, написанные по памяти после возвращения миссии в Орск, были использованы в 1744 г. членом Оренбургской комиссии, будущим известным историком П. И. Рычковым (1712—1777) и включены последним со ссылкой на источник в приложение к основному тексту «Истории Оренбургской», опубликованной академиком Г. Ф. Миллером в Петербурге в 1759 году. Благодаря этой публикации, европейская наука получила первые достоверные известия о политической географии, этнографии и истории южной части Казахстана и Ташкентского района, что впоследствии позволило специалистам уточнить сообщения аутентичных восточных источников об обстоятельствах правления в Ташкенте казахского хана Жолбарыса и исторических судьбах этого города в период с конца XVII до середины XVIII веков [4].

Документальные материалы К. Миллера и А. Кушелева получили высокую оценку в российских правительственных кругах. За «понесенные труды и терпение» добросовестный молодой офицер получил в 1739 г.

повышение по службе и был произведен приказом высшего командования из поручиков в секунд-майоры. Одновременно с новым формальным статусом повысился и его фактический дипломатический ранг. Начиная с 1740 г., имя Миллера часто фигурирует в служебных документах центральных и пограничных ведомств России в качестве доверенного посредника оренбургских начальников В. А. Урусова и И. И. Неплюева при организации их официальных встреч с казахскими ханами и влиятельными султанами, в ставки которых неоднократно навещался неутомимый майор. Наряду с многочисленными поездками к казахской знати он был привлечен начальником Оренбургской экспедиции В. А. Урусовым в 1740 г. к участию в ответственных русско-казахских переговорах, где сыграл заметную роль в укреплении пророссийской ориентации правителей Среднего жуза хана Абулмамбета (1739—1771) и султана Аблая, а также в проведении в Орске протокольной процедуры принесения ими присяги на верность российскому престолу [5].

Между тем к началу 40-х гг. XVIII в. политическая обстановка в казахских жузах значительно обострилась в связи с началом очередной ойрато-казахской войны. Зимой 1741 г. после неудачного исхода военных действий против Цинской империи, джунгарские войска под командованием полководца Септеня (ум. в 1745 г.) вторглись в кочевья Среднего жуза. В течение нескольких месяцев отряды ойратов общей численностью до 30—35 тыс. человек неоднократно совершали нападения на казахов и «четырежды их разбивали». В ходе одного из таких сражений в плен к ойратам попал влиятельный султан Аблай. От верховьев Илека был вынужден отступить к Орской крепости хан Абулмамбет с отрядами своих джигитов. За короткий период джунгарам удалось опустошить кочевья казахов по Ишиму и Тоболу и нанести удар по родам Младшего жуза в долине р. Ирғиз. В следующем году десятитысячное войско ойратов, отправившись из Ташкента, совершило глубокий рейд в кочевья Младшего и Среднего жузов и преследовало казахов вплоть до верхнего течения Ори. В результате военных действий 1741—1742 гг. часть районов Среднего жуза была временно оккупирована джунгарскими войсками [6].

Одержав внушительные военные победы, джунгарский хан Галдан-Цэрен (1727—1745) предъявил казахским ханам и султанам жесткий ультиматум, потребовав от них признания политического протектората Джунгарии над казахскими жузами, предоставления ему права распоряжаться кочевьями казахов, выплату алмана (т. е. дани) и отправления аманатов (заложников) в ургу [7].

Обсуждению требований джунгарского хана было посвящено весной 1742 г. собрание 1500 народных представителей Младшего и Среднего жузов, большинство из которых пришли к мнению о необходимости удовлетворить притязания Галдан-Цэрена и заявили о своем решении хану Младшего жуза Абулхайру. Вслед за этим событием в Оренбургскую комиссию поступили известия из степи, что «Абулмамбет-хан, Барак и Батырь-султаны предаются в подданство джунгарского владельца Галдан-Черена, которому несколько и аманатов от себя дали и дань платить обещались». Немного позже царским чиновникам стало известно, что ойратский посланец Базар, отправленный в Средний жуз, уже доставил в Джунгарию от «Абулмамбета сына ево в аманаты, а от Барака посланцев, которых всех прибыло человек двести» [8].

Все эти сообщения однозначно свидетельствовали о том, что домогательства джунгарского хана в отношении кочевого населения Младшего и Среднего жузов наносили существенный ущерб международному престижу России в Центральной Азии, заметно подрывали ее политические позиции в казахских степях и таили в себе немалую опасность для стратегических интересов российской короны на Среднем Востоке. Перспектива объединения казахских жузов с Джунгарией и возможного появления на юго-восточных границах России грозного призрака «преокаянной» Золотой Орды в виде новой мощной державы тюрко-монгольских кочевников вызвали серьезную тревогу у царского правительства, побудив его отказаться от прежней тактики пассивного наблюдателя военных действий между казахами и их юго-восточными соседями и решительно вмешаться в казахско-джунгарские отношения.

В июле 1742 г. Коллегия иностранных дел предписала первому оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву добиваться любой ценой от правителя ойратов Галдан-Цэрена официального признания в том, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными и, соответственно, ему надлежит все возникающие казахско-ойратские конфликты разрешать только через посредничество оренбургских властей. Для выполнения этого сложного задания петербургские сановники рекомендовали своему подчиненному послать в Джунгарию «искусного» в степных делах офицера, который мог бы «наилучшим способом» довести до джунгарского хана точку зрения российского престола [9].

Получив эти строгие предписания из Петербурга, И. И. Неплюев принялся с присущей ему энергией за подготовку предстоящей дипломатической миссии в Джунгарию, ожидая только подходящего предлога, который позволил бы организовать этот визит. К немалому удовлетворению будущего «устроителя Оренбургского края» такой удобный повод для организации посольства не заставил себя долго ждать.

В начале 1742 г. в кочевьях хана Младшего жуза Абулхайра (1710–1748) появились посланцы джунгарского правителя нойоны Кашка и Бурун с письмом от Галдан-Цэрена, в котором он в ультимативной форме требовал «з белыми кибитками Абулхайрханова сына Айчувак-султана ...в аманаты прислать», отправить вместе с ним в ургу девять наиболее влиятельных старшин, уплатить подать со ста дворов по одному корсаку, беспрепятственно пропускать торговые караваны в Джунгарию и обратно [10]. Известие об этом событии не застало Неплюева врасплох. Будучи своевременно оповещен через своих агентов о прибытии полномочных представителей джунгарского хана в степь, он распорядился немедленно отправить Карла Миллера в ставку Абулхайра с ответственным заданием — разведать политическую обстановку и убедить хана и новоявленных джунгарских визитеров прибыть в дом губернатора в Орск [11].

Для решения поставленной задачи требовалось приложить немало усилий, включая соблюдение степного этикета, определенную настойчивость и политический такт, но Карл Миллер сумел успешно справиться с этим нелегким заданием. Удачным завершением его визита к Абулхайру явилось персональное свидание оренбургского губернатора И. И. Неплюева с ханом Младшего жуза, который прибыл в Орск 23 августа 1742 г. со 156 представителями всех трех жузов, а также с джунгарскими и каракалпацкими посланниками. На этой встрече Неплюев твердо заявил последним, что казахи Младшего и Среднего жузов являются российскими подданными, поэтому джунгарский хан никаких легитимных прав на взимание с них податей и получение алмана не имеет. Все спорные вопросы между казахами и ойратами джунгарские власти должны разрешать в ходе непосредственных контактов с царским правительством, не прибегая к тактике сепаратных переговоров с казахскими ханами и султанами. Здесь же оренбургский губернатор объявил джунгарским посланцам, что в интересах окончательного разрешения конфликтного казахского вопроса во взаимоотношениях русской и ойратской сторон он намерен отправить к Галдан-Цэрену в ургу специальное посольство во главе с

майором Карлом Миллером [12]. Решение Неплюева поддержали все участники переговоров. Более того, хан Абулхаир, султан Ералы (1722–1795) и батыр Жаныбек пообещали обеспечить Миллеру «надежное провожание, дабы оной отправленной утратиться не мог».

При персональном назначении энергичного майора-немца главой русского посольства в Джунгарию оренбургский наместник исходил из того, что Карл Миллер, обладая относительной эрудицией в области культуры и быта евразийских кочевников, более других его подчиненных соответствовал критериям «искусного» в степной политике человека, так как умел быстро ориентироваться в незнакомой инокультурной среде, легко устанавливал контакты с казахами, «ибо быв до Ташкента и во многих их улусах, знал их кайсацкие манеры», а также свободно владел казахским языком [13]. По этим соображениям он возложил на Миллера широкий круг важных дипломатических задач.

Первым пунктом специальной инструкции губернатора российскому посланнику предписывалось вручить Галдан-Цэрену официальное письмо И. И. Неплюева с требованием о невмешательстве в дела казахов — подданных Российской империи, и убедить правителя ойратов разрешать все будущие военные конфликты с северо-западными кочевыми соседями посредством прямых переговоров с русскими пограничными командирами, не вступая ни в какие сношения с казахскими правителями [14].

Другой не менее важный пункт инструкции обязывал К. Миллера использовать все его дипломатические способности и старые связи среди джунгарской знати для освобождения султана Аблая и его подданных из джунгарского плена. Стремясь облегчить русскому посланнику выполнение этого сложного плана, пограничные власти при содействии хана Абулхайра заблаговременно сосредоточили всех плененных казахами ойратов в одном административном пункте для обмена на Аблая и его людей [15]. Кроме того, предполагалось, что русское посольство сможет убедить казахских султанов и старшин не поддаваться на угрозы и ультимативные требования Галдан-Цэрена и по-прежнему оставаться в российском подданстве [16]. С этой целью И. И. Неплюев определил К. Миллеру маршрут в Джунгарию не по давно освоенной русскими посланниками караванной дороге в верховья Или, проходившей по правобережной стороне Иртыша и Тарбагатайскому хребту, а непосредственно через казахские кочевья Младшего, Среднего и Старшего жузов, где он должен был проинформировать казахов о «заступнической» цели русской миссии

в Джунгарское ханство, рассеять их опасения по поводу данного визита и «в своем отправлении лучшее в них мнение сделать» [17].

Отдельные положения инструкции И. И. Неплюева нацеливали Карла Миллера на выполнение заданий военно-разведывательного характера: выяснение наступательного потенциала Джунгарии и ее геополитических интересов в казахских жузах, уточнение имевшейся информации о границах ойратских владений в регионе, сбор сведений о политическом влиянии Джунгарского ханства в Средней Азии и т. п. Всю полученную информацию по этому широкому кругу вопросов посланник был обязан подробно отразить в своем путевом дневнике, а проделанный маршрут по казахским кочевьям — с максимальной точностью очертить на географической карте региона.

3 сентября 1742 г. посольство Карла Миллера, состоявшее из прапорщика Николая Пазухина, «геодезии ученика» Дмитрия Тохтарова, переводчика Ивана Ерофеева, капрала Тихона Дмитриева и шести яицких казаков, отправилось из Орской крепости через казахские кочевья в Джунгарию к ойратскому хану Галдан-Цэрену. Отряд двинулся на юго-восток мимо горы Карашеттау через низовья р. Тургай, северную часть Приаральских Каракумов и многочисленные мелкие речки, берущие начало с гор Улутау. Далее миссия форсировала р. Сарысу в ее нижнем течении, прошла вдоль речки Каракингир на юго-восток к горам Хантау, где встретила передовой джунгарский караул; затем двинулась через Хантау в направлении на юг и юго-восток от Чу-Илийских гор к подножию Киргизского хребта, оттуда повернула на северо-запад и достигла Каратауского хребта. Вслед за тем она пересекла ряд коротких речек, стекающих с хребта, и вышла на нижнем участке р. Талас к окрестностям г. Туркестана. Отсюда Миллер проследовал с частью своих спутников прямо на восток, форсировал Талас и, пройдя вдоль всего Киргизского хребта, переправился через р. Чу в том месте, где она выходит из гор. Вскоре отряд добрался до верховьев р. Чу и 15 ноября 1742 г. вошел в приграничные кочевья ойратов, которыми управлял джунгарский нойон Сары-Манджи (ум. в 1745 г.). Из этого пограничного района русское посольство, невзирая на все попытки К. Миллера проникнуть в глубь Джунгарии, не было допущено ойратами к Галдан-Цэрену в ургу. По мнению оренбургских чиновников, включая самого Миллера, главной причиной этого отказа явилось стремление джунгарских властей скрыть от русского дипломата недавние поражения ойратов в войне с правителем Кокандского ханства Абд ал-Карим-бием (1734—1750),

хозяйственную разруху и эпидемии болезней в ойратских кочевьях. Поэтому все переговоры по казахскому вопросу Миллер был вынужден вести с уполномоченным Галдан-Цэрена нойоном Сары-Манджи, командовавшим джунгарскими войсками в Семиречье [18].

В кочевьях ойратов русское посольство находилось около 2,5 месяца, после чего 2 февраля 1743 г. отправилось в обратный путь. Из Семиречья отряд сначала двинулся в направлении на юго-запад к г. Туркестану, где простоял около месяца, а затем направился на север региона в Россию через пустыню Бетпақдала, р. Сарысу, скалистые горы Улутау и р. Каратургай. Следуя далее на северо-запад, он переправился через реку Олкейяк, правый приток Тургая, и прибыл 14 мая 1743 г. в Орск.

По Центральному, Южному и Юго-Восточному Казахстану Карл Миллер прошел расстояние свыше 4000 км, причем многие обследованные им территории, как, например, пустыня Бетпақдала и Чу-Илийские горы, не посещались европейскими путешественниками как до него, так и много лет спустя. Не случайно его путевой маршрут произвел огромное впечатление на джунгарских нойонов.

«Когда он, майор, в то Джунгарское владение приехал, — отмечал Миллер в своем путевом журнале, — то услышал, что они, калмыки, весьма были сумнительны, яко он чрез киргиз-кайсацкие орды проехал, понеже прежние посланцы ездили всегда чрез Сибирь, и якобы они между собой разговаривали, знатно-де, что нам ныне пришли последние веки, ибо русские послы к нам стали приезжать чрез кайсацкие орды... и от того-де находились в великом страхе» [19]. Через несколько лет информация о географическом подвиге российского землепроходца, первым из европейцев совершившего путешествие в Джунгарское ханство через Казахскую степь, дошла до сведения видного английского исследователя и путешественника Джонатаса Ганвея, который собственноручно нанес на составленную им карту Центральной Азии путевой маршрут Карла Миллера. Эта карта вошла в двухтомное сочинение Д. Ганвея, изданное в 1753 г. в Лондоне под названием «Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море» [20]. Благодаря указанной публикации, имя Миллера уже в середине XVIII в. стало известно не только в России, но и в европейском ученом мире.

Посольство Миллера, несмотря на несостоявшуюся возможность проникнуть в ургу к Галдан-Цэрэну, сыграло в целом немаловажную роль в урегулировании казахско-ойратских отношений. Это выразилось в относительной стабилизации военно-политической обстановки на

границах казахских кочевий с Джунгарией, снятии Галдан-Цэреном с повестки дня требования о выплате алмана с семейного имущества казахов, оживлении казахско-джунгарской торговли на востоке и юго-востоке региона и т. д. [21].

Но самым главным политическим результатом русской дипломатической миссии явилось освобождение султана Аблая из джунгарского плена, существенно укрепившее авторитет России в казахских степях.

Практически все царские чиновники того времени, которым приходилось затрагивать в своих служебных материалах этот сюжет, считали знаменательный факт возвращения влиятельного султана из джунгарской неволи исключительной заслугой посольства Карла Миллера. Характерно, что такого же мнения о своем освобождении из плена придерживался с самых первых дней выхода на свободу и сам вчерашний «джунгарский пленник» казахский султан Аблай. В своем личном послании хану Среднего жуза Абулмамбету, написанном сразу после возвращения в степь, Аблай с «немалой бранью» укорял патрона в бездействии по отношению к джунгарскому хану и недвусмысленно утверждал, что «свобода-де ему оттоль учинена... чрез посылку туда майора Миллера» [22]. Примерно в том же духе оценивается роль посольства Миллера в освобождении Аблая из плена и в современной исторической науке, что нашло отражение не только в ряде специальных научных изданий по истории Центральной Азии [23], но и в крупных энциклопедических справочниках последних лет [24].

В мае 1743 г. К. Миллер составил маршрутную карту путешествия в Джунгарское ханство и обратного пути, а также подготовил подробный путевой журнал в трех частях, повествующий о деятельности русского посольства в казахских и ойратских кочевьях и собранные им разведывательные данные о военно-политической обстановке в южноказахстанских степях.

На географической карте Казахстана Миллер схематично изобразил ранее неизвестное европейским географам и картографам расположение рек Центрального и Юго-Восточного Казахстана — Тургая, Сарысу, Чу и Таласа, а также сеть более мелких речек, впадающих в эти водоемы. Сто лет спустя один экземпляр этой карты был обнаружен в Оренбургском архиве известным русским географом и этнографом Я. В. Ханьковым (1818—1862), который вскоре опубликовал его вместе с собственными примечаниями на страницах «Географических

известий». «Документ этот, — отмечал он, — был бы всегда любопытен как первое достоверное известие о странах, лежащих к востоку от Арала, но, сверх того, он и доселе остается единственным показанием этого рода, ибо путь, пройденный К. Миллером к юго-востоку от Сарысу, не был посещен после него ни одним образованным путешественником» [25].

Публикация Я. В. Ханькова привлекла внимание к материалам путешествия посольства К. Миллера в Джунгарию 1742—1743 гг. многих других российских и зарубежных географов и историков-востоковедов, в результате чего имя Карла Миллера с того времени стало часто упоминаться в их научных трудах и, благодаря этим изданиям, прочно вошло в мировую историю географических открытий и путешествий европейцев в далекие азиатские страны [26]. Во второй половине XIX — начале XX в. о поездках К. Миллера в Ташкент и Джунгарию писали такие крупные ученые, как И. В. Мушкетов (1850—1902), И. Ф. Бабков (1827—1905), М. И. Венюков (1832—1901), В. В. Бартольд (1869—1930), Л. С. Берг (1876—1950) и многие другие [27]. По единодушному мнению всех этих авторитетов, составленная К. Миллером карта его маршрута в Джунгарское ханство представляет собой первый и единственный до середины XIX в. источник географических сведений о районе Чу-Илийских гор и бассейнах исторических рек Чу, Талас и Сарысу, остававшихся долгое время неизвестными российским ученым.

Более драматично сложилась историческая судьба другого документа посольства Карла Миллера — путевого журнала или дневника. Один экземпляр этого документа был представлен Миллером в Оренбургскую губернскую канцелярию, а два других в Петербург — в Коллегию иностранных дел и Сенат. Ввиду плохих условий хранения исторических документов в губернских канцеляриях провинциальных российских городов рукописный оригинал журнала К. Миллера, хранившийся в Оренбургском архиве, уже к середине XIX в. был окончательно потерян для науки, и известный исследователь Я. В. Ханьков при всем своем старании не смог там его отыскать. По этому поводу русский ученый писал несколько лет спустя: «Относительно степи сибирских киргизов первое по времени отчетливое показание должно заключаться в журнале Миллера 1742 года, но он, к сожалению, не дошел до нас» [28].

В последующие годы это поспешное заявление об утрате вышеуказанного материала было слишком доверчиво воспринято

многочисленными последователями Ханькова, каждый из которых неизменно повторял в своих научных трудах в течение двух последних веков ставшую хрестоматийной, но ошибочную версию о бесследной утрате рукописи журнала К. Миллера.

Между тем сорок лет назад видный советский историк В. Я. Басин (1931–1985), работая в Москве в центральных государственных архивах бывшего СССР, обнаружил в фондах Сената и Коллегии иностранных дел две авторские рукописные копии первой и третьей частей считавшегося утраченным походного дневника [29]. Первый раздел журнала, представляющий собой описание маршрута продвижения посольства в Джунгарское ханство по казахским степям, он несколько лет спустя опубликовал в сборнике документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [30], но основная часть рукописи, где излагались ценнейшие исторические сведения о российско-ойратских переговорах по казахскому вопросу, обстоятельствах пребывания Миллера у джунгарского нойона Сары-Манджи и на территории Южного Казахстана, не вошла в это издание и до сих пор ни разу не издавалась.

Незадолго до своей кончины профессор В. Я. Басин передал автору этих строк фотокопию журнала Карла Миллера, благодаря чему в 1991 г. этот важный исторический документ был более или менее основательно исследован в источниковедческом отношении [31] и впервые основательно использован в исторических трудах [32].

Принимая во внимание его непреходящую ценность как источника богатых и многообразных сведений по исторической географии Казахстана, истории международных отношений в Центральной Азии и политической деятельности одного из видных их участников и творцов, составитель данного издания посчитал своим долгом перед современниками опубликовать журнал Миллера на страницах настоящего издания.

На путевом журнале 1742–1743 гг. практически обрывается жизненный след замечательного дипломата, путешественника и исследователя, принадлежавшего к лучшей части немецкой «мобильной диаспоры» Российской империи. К великому сожалению, мы пока ничего не знаем о его дальнейшей личной и профессиональной судьбе, ни, тем более, о том, когда, каким образом и где именно на необъятных просторах новообретенного отечества закончил свои дни спаситель будущей казахской знаменитости. Но даже те немногие разрозненные сведения о Миллере, которыми сегодня располагают отечественные

востоковеды и историографы, позволяют отчетливо увидеть, какой значительный и разносторонний вклад был сделан им в «общеевропейское хранилище» географических и историко-этнографических знаний о Центральной Азии. Будем надеяться, что изучение трудов жизни и деятельности Миллера данной публикацией не ограничится и последующие поиски историков в разных архивах СНГ смогут в недалеком будущем пролить новый свет на загадочную биографию этого видного героя политической истории Казахстана середины XVIII столетия.

Наряду с журналами К. Миллера важное научно-практическое отношение для изучения истории и культуры Южного Казахстана имеют материалы дипломатического путешествия Д. Гладышева и И. Муравина в Хиву во время краткосрочного пребывания там на ханском престоле хана Младшего жуза Абулхайра. В XIX–XX вв. основная часть этих источников уже дважды частично издавалась российскими и советскими учеными. Неопубликованным осталась только оригинальное народное предание казахов о средневековом городе Джанкенте, некогда расположенном в устье Сырдарьи и разрушившемся в последующие столетия. В данном издании все материалы этой важной поездки издаются в полном объеме.

В числе наиболее ценных рукописных материалов по истории казахского народа и южных казахских земель, ранее не публиковавшихся в дореволюционной России и Советском Союзе, следует указать также письменные показания о своей поездке в Ташкент («сказку») вятского купца, татарина Шубая Арсланова, в которых содержатся ценные фактические сведения о Туркестане и Ташкенте в период их пребывания под протекторатом Джунгарского ханства, казахско-ойратских отношениях и политике джунгарского хана Галдан-Цэрена на территории завоеванных казахских земель.

Отдельную группу издаваемых в этом томе материалов составляют рапорты и донесения царских пограничных чиновников, извлеченные составителем тома из Оренбургского и Омского областных архивов о политическом положении казахов Среднего и Старшего жузов на юге региона в период конца 70-х — начала 80-х гг. XVIII века. Большинство из них не только никогда прежде не издавались в бывшем Советском Союзе, но даже не были известны специалистам по истории дореволюционного Казахстана и лишь сейчас вводятся в научный оборот. Большое научно-практическое значение этих исторических документов заключается в том, что они существенно

дополняют и уточняют существующие представления о последних годах жизни хана Среднего и части Старшего жузов Абылая (1771–1780) и позволяют внести необходимую ясность в вопрос о точной дате смерти этого выдающегося правителя Степи, изрядно запутанный многими дилетантскими печатными опусами некоторых малокомпетентных историков и публицистов.

К категории малоизвестных либо почти неизвестных материалов первой половины XIX в., посвященных южноказахстанскому региону, можно отнести рукописные путевые записки («замечания») поручика Оренбургской пограничной канцелярии Абдунасыра Субханкулова о его поездке по западным казахским кочевьям в 1818 г. в Хиву, которые содержат новые оригинальные сведения о жизни кочевников-казахов в районе плато Устюрт; записки младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искандера Алюковича Батыршина (1820 — после 1855) о последнем по времени правлении в Степи казахского хана Ермухаммеда (Иликея) Касымова (1845–1852), кочевавшего в середине XIX в. в приаральских степях; и «Распросное описание» казахских земель в Чу-Таласском районе, составленное переводчиком Алатавского округа Иваном Андреевичем Бардашевым (1831–1868) в 1859 году. Во всех этих записках содержатся ценные исторические сведения об отдельных видных правителях Степи первой половины XIX в., а также данные по исторической географии региона, которые являются существенным дополнением к ранее опубликованным материалам по истории Южного Казахстана.

Важным дополнением к путевым материалам русских чиновников по истории и этнографии разных частей южных казахских земель в содержании тома являются Ведомость Семиреченского областного проявления о численности казахского кочевого населения учрежденной в 1868 г. в составе Туркестанского генерал-губернаторства Семиреченской области и сведения о зимовках и летовках казахских волостей Жетысу во второй половине XIX в., собранные местными чиновниками в 70–90-х гг. XIX века. Принимая во внимание, что ранее опубликованные документальные материалы по истории Жетысу этого периода заключают в себе лишь локальные и фрагментарные данные о расселении казахских родов и племен Старшего жуза и конкретных местах их сезонных кочевок на территории Семиречья, но не создают более или менее общей и цельной картины, издание новых детализированных источников по данной проблеме поможет казахскому читателю намного лучше и глубже, чем прежде, составить представление об особенностях

размещения различных социальных групп казахов в историко-географическом пространстве юго-восточного региона.

Помещенные в этом томе исторические материалы XVIII – середины XIX в. печатаются в оригинальном виде с сохранением авторской формы изложения и индивидуальных особенностей стиля их написания. Редакционной обработке подверглась только пунктуация источников, которая приведена в соответствие с современными нормами русского языка.

Выявление публикуемых документов в архивах и печатных изданиях, транскрипцию скорописи XVIII в. рукописных текстов того периода, составление тома и подготовку научных комментариев к содержанию включенных в него исторических источников осуществила ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК И. В. Ерофеева. Указатели имен и географических названий подготовили президент ОФ «Международный Фонд Абулхайр-хана» А. А. Альмукамбет и научный сотрудник Института истории и этнологии МОН РК М. Сатенова. Компьютерный набор текста тома выполнили сотрудники ЦГА РК И. Самигулин и Института истории и этнологии АН А. Ракишева.

Составители тома выражает глубокую благодарность сотрудникам ЦГА РК А. А. Адельгужину и Н. П. Кропивницкому за ценные советы и компетентную помощь в выявлении исторических документов.

И. В. Ерофеева

1. Русско-индийские отношения в XVIII в. М., 1965. № 74. С. 138; Голикова Н. Б. Ташкент и его округ в 40-е гг. XVIII в. по свидетельству очевидцев // Вестник МГУ. Сер. 8 «История». 1990. № 6. С. 16–17.

2. Sammlung Russischer Geschichte. Spb. 1760. Bd. 4. S. 1–182; Григорьев В. В. О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г. // Известия РГО. Т. VI: 1870. Отд. 1; Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюминг. Томск, 1988. С. 89–90.

3. Соловьев С. М. История Российская с древнейших времен. М., 1887. Т. 20. С. 341.

4. Рычков П. И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 39; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. В. Ханькова // Вестник РГО. Ч. 1. 1851. Отд. VI. С. 47.

5. Поездка Поспелова и Бурнашева. С. 43–44; *Абдураимов А.* Первый русский купеческий караван в Ташкенте (1738–1739) // Известия АН УзССР. 1955. № 8. С. 87–93.
6. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1961. С. 146–157.
7. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. Т. 2 (87). С. 138; Казахско-русские отношения. С. 291.
8. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 263 об; Красный архив. 1938. 12 (87). С. 139; МИКССР Т. 2. Ч. 2. Док. № 1. С. 28–29.
9. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 70; Ф. 113. Оп. 1. 1742 г. Д. 3. Л. 3 об.; *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 124–125.
10. Казахско-русские отношения. С. 222.
11. Там же. С. 193–196.
12. ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–33 об; Казахско-русские отношения. С. 134–160.
13. Казахско-русские отношения. С. 229–254.
14. ГАОрО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 2 и др.; Казахско-русские отношения. С. 256.
15. Казахско-русские отношения. С. 228–229.
16. Там же. С. 223–226.
17. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 103; Д. 2. Л. 21–22 об.
18. Казахско-русские отношения. С. 223.
19. РГАДА. Ф. 248. Кн. 28/249. Л. 218–219.
20. *Hanway J.* An historical account of the British trade over the Caspian Sea. 2d. ed. L 1754. Vol. 1–2; Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, составленной д. ч. Я. В. Ханьковым // Записки РГО. Кн. V. 1851. С. 325.
21. *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. С. 127–139.
22. АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 97; Казахско-русские отношения. С. 302; Красный архив, 1938. Т. 2 (87). С. 142.
23. *Шоинбаев Т. Ж.* К вопросу о присоединении Среднего жуза к России // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 15. С. 53; *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. М., 1978; С. 158; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М., 1979. С. 77; *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 140–161.

24. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия в пяти томах / Гл. ред. В. Л. Янин. Т. 1 (А–Д). М., 1994. С. 11; Акмола. Энциклопедия / Гл. ред. Р. Н. Нургалеев. Алматы, 1995. С. 284.

25. Ханыков Я. В. О карте Миллера Маршрута от Орска до Зюнгарских владений и обратно // Географические известия. 1850. Вып. IV. С. 663.

26. Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. 3. М., 1984. С. 141–142.

27. Бабков И. Ф. О ходе топографических исследований озера Балхаша и его прибрежий // Записки РГО по общей географии. Т. 1. СПб., 1867. С. 333; Мушкетов И. В. Туркестан. Географическое и орографическое описание по данным, собранным с 1874 по 1880 гг. Т. 1. СПб., 1900. С. 73; См. также работы советских исследователей С. Е. Феля, В. Федчиной, Э. А. Масанова, А. С. Бейсеновой и других.

28. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 262–266 об.; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 155.

29. РГАДА. Ф. 248. Кн. 29/149; АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1743 г. Д. 2.

30. Казахско-русские отношения. Док. № 98. С. 254–257.

31. Краткие сведения о содержании рукописной части журнала имеются в вышеуказанной статье Т. Ж. Шоинбаева (с. 53–54) и работе Х. Зияева «Интересный источник по истории Ташкента XVIII века» // Общественные науки в Узбекистане. 1974. № 7 (с. 51–53), но они не привлекли внимания исследователей.

32. Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (Посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. С. 43–67; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи. С. 140–161.